

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ГОРЛЫШКО ИЗ
КУВШИНА

Александр Щербаков-Ижевский

**Горлышко из кувшина.
Серия «Бессмертный полк»**

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Горлышко из кувшина. Серия «Бессмертный полк» /
А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850120-3

Любой бой начинался с разведки и подготовки. Надо закрепиться, осмотреться, прицелиться. И результат станет победоносным. Смущали торчащие между брёвнами руки, ноги и кости прежних хозяев. Прямым попаданием снаряда их задавило и засыпало жердями. Мы добывали трофеи и отдавали «крысам» за возможность воевать с биноклем, стереотрубой. Осталось лежать несколько тел штрафников окоченевших насмерть от перепоя, отравления, похмельного синдрома. Кошунственно, но интересно даже, «искупят» или погибнут?

ISBN 978-5-44-850120-3

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Содержание

1. Смертельный синдром	6
2. Исходная точка. Пенза	16
3. Шаг в пропасть	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Горлышко из кувшина

Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23 – 10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны!*

Северо-Западный фронт.

Новгородская область.

Между Старой Руссой и Демянском.

Рамушевский коридор.

1942—1943 гг.

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0120-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Смертельный синдром

21 апреля 1942 года немцы прорвали фронт советских войск и соединились с окруженной Демянской группировкой в районе деревни Рамушево. По этому «горлышку из кувшина» немцы обеспечивали свою окруженную 16-ю армию Вермахта всем необходимым. По нему проходила стратегическая дорога, соединявшая Старую Руссу с Демянском. Для немцев она была дорогой жизни. Защищали они ее, не считаясь с потерями.

Ликвидировать коридор длиной около 40 км и шириной от 3 до 12 км не удавалось.

Советским командованием была поставлена задача: ликвидировать злосчастный коридор встречными ударами с севера и юга. Перекрыть питающую магистраль между Старой Руссой и Демянском от основных сил немцев.

Окруженную группировку противника необходимо было уничтожить!

Главный удар был направлен на небольшую деревушку Рамушево.

Операция была проведена с 15 по 28 февраля 1943 года войсками Северо-Западного фронта. Командовал маршал С. К. Тимошенко, представитель ставки Г. К. Жуков.

На направлении главного удара оказался 517 стрелковый полк 166 стрелковой дивизии 58 армии, где мне и довелось воевать.

...Ночь перед боем прошла в тревоге. Мне не спалось.

С одной стороны наше лежище закрывал бок обгоревшего немецкого танка. Подле него разгребли снег, но копать землю было нельзя, она была очень сырой из-за заболоченности грунта. Поверх снежных стенок закрепили плащ-палатку вместо крыши. Убежище скрывало лишь от ветра. Под бока мы положили доски от миномётных ящиков.

Выполнив подготовительные работы ко сну, все легли впритирку на один бок. Так и спали, поворачиваясь все сразу, по команде.

В центре убежища пыхтела наша радость-печурка. Её сделали из ведра. Металл был тонким, поэтому она раскаливалась до красна. Правда она никак и не согревала. Но к ней можно было приблизить ноги, и было теплее. Однако, когда валенки касались её раскалённого бока, тогда под плащ-палаткой начинало густо пахнуть палёной шкурой.

Но всё равно, трудно было придумать, что-либо уютнее! Многие бойцы спали без задних ног.

Уже под утро меня растолкал комроты полковой разведки и предложил переехать в их утеплённую нору. Нас не надо было уговаривать. Быстро вскочив, похватав вещмешки и оружие батарейцы рванули по указанному маршруту.

Тёплая землянка была царским убежищем. Со всех сторон комфортным пристанищем. Если бы не война и жить, даже, в ней было можно. С комфортом.

Только смущали торчащие из щелей между брёвнами руки, ноги и кости прежних хозяев. Прямым попаданием снаряда их задавило и засыпало жердями. Разведчики на скорую руку восстановили солдатское логово, но выгрести заваленные обрубки времени им уже не хватило

– Оставим пожитки на сохранность. Вернёмся, заберём. Ну и вы не тушуйтесь. В бой-то налегке, небось, пойдёте? – сделал предложение комроты перед тем, как уйти в неизвестность.

Любой бой начинался с разведки и подготовки. Чем лучше закрепился, осмотрелся, прицелился, тем победоноснее будет результат. Чтобы противник сразу не догадался о месторасположении нашего наблюдательного пункта (НП), пришлось схитрить. Для него было выбрано место не на самой вершине холма. В рощице из можжевельника и кустов бузины на соседнем к полю боя склоне. Пониже вершины.

В связи с нехваткой времени, стенки блиндажа не закрепляли. Сделали их чуть пологими, чтобы в случае взрыва поблизости они не обвалились. С уважением к командирам

на откосы примостили ветки, чтобы можно было на них прилечь, навалиться во время длительного боя.

Офицеры с помощью 18 рядовых подносчиков мин мгновенно натянули сверху над НП маскировочную сеть. Это чтобы не углядели, с постоянно жужжащих над головой «Фокке-Вульфов» разведчиков. Наше новое поколение истребителей Ла-5 появлялось крайне редко, поэтому отпугнуть немецких асов было некому.

Рядовые споро окапывали блиндаж размером в рост человека. На НП быстро и без лишней суеты появились командиры взводов. Для пущей ответственности были приглашены и наводчики, 6 рядовых. В таких случаях на позициях матчасть оставались охранять 6 младших сержантов, командиров минометов.

Понятное дело, что начальники ждали от нас хорошей выучки, дисциплины и самое главное побед. Но в технологичной войне воевать без вспомогательных средств анахронизму подобно. Вот мы и выкручивались, каждый сам за себя, самостоятельно. Расскажу о нашей войсковой допотопности и устарелости технических возможностей.

Оказывается, по штату никто не обязан был обеспечить минометную роту средствами видеонаблюдения и наводки на цель. Личное оружие не выдавалось. Мой пистолет «ТТ» старшина выменял на трофейные часы. А удобный в бою карабин я прихватил прямо на поле боя, сняв с убитого немецкого артиллериста.

Может быть, и было нам что-то положено. Но по факту всё, что имелось у командиров в наличии на НП, это был результат личной «добычи». Так необходимую нам оптику старшина хозвзвода приобрёл на армейских складах за немецкие побрякушки.

Мы добывали трофеи и отдавали впоследствии тыловым «крысам» за возможность воевать с биноклем, буссолью, стереотрубой.

По уставу связь между минометными расчетами, должна была осуществляться путем передачи информации через посыльных. Но это крайне медленно, опасно и малопродуктивно. Туда-сюда в бою много не набегашься, не наползаешься. Абсолютно терялась оперативность управления огнем.

В то же время телефонная связь между НП и минометными расчетами никак не была обязательным условием. Воспримите это как результат фантастического стечения обстоятельств. Или умелости нашего старшины договариваться. Понимайте, как хотите.

Корректировка огня по уставу должна была производиться наводчиком посредством визуального наблюдения (!). В связи с этим корректировщик в штате отсутствовал. Приходилось приспосабливаться. Самые зоркие и сметливые сержанты осуществляли наблюдение, наводку на цель со скрытых и удаленных от батареи позиций. Бывало с вершин деревьев, с чердаков зданий или просто с близлежащих домов.

Перед боем на НП тщательно устанавливали бесценные для нас буссоль и стереотрубу. Надо было, чтобы они только чуть-чуть торчали над бруствером. Необходимо было приглядывать за солнцем, которое как раз скрылось за тучами. Располагалось оно, слева и в случае его появления учитывалось то, чтобы зайчики от окуляров случайно не выдали немцам позицию наблюдательного пункта (НП).

Карту двухкилометровку разворачивали прямо на минометных ящиках. Быстро производили привязку к местности. Обозначали и распределяли между расчетами указанные с командного пункта (КП) цели. Даже при контузии наводчики не должны были забывать координаты цели, ориентиры и привязку к местности. Умри, но передай другому.

Дистанция между атакующими батальонами и первым эшелоном немецких траншей бывала очень незначительная. На маховике прицела полтора деления вперёд-перелёт. Одно деление назад-недолёт. Ещё пол-деления вперёд-самое то! Прямо на головы фрицев!

А промахнуться нельзя, для своих, это верная смертушка.

Обзор за полем боя у нас был отличный. Рубеж использования наших миномётов был очень даже неплох.

Все понимали, как начнешь, так и пойдёт.

Однако жизнь диктовала своё. Поправок и корректировок во время боя бывало множество. Все по-деловому, как бы буднично.

Ни перекуса, ни глотка горячего чайку. А вдруг рана в живот?

Подготовка к наступлению была тщательной. Начальство проводило рекогносцировку маршрута выдвижения пехоты на передовой рубеж. Уточняло его координаты. Налаживало взаимоотношение и связь с соседями. Особенно с танкистами.

Вечный камень преткновения при подготовке наступления, это взаимодействие между родами войск. Командиры орали друг на друга, лаялись, собачились, но, в конце-концов, договаривались.

Тыловики-снабжение подвезли на наши позиции кучу мин и необходимое для боя снаряжение.

Мы видели, что к удалённым позициям гаубичной артиллерии дорога была разбита в полный хлам. Колеи от тракторных тягачей под гребешок были заполнены болотной грязью. Поэтому боеприпасы подносили вручную.

По несколько километров шли вереницы людей на позиции. Одни тащили две мины, подвешенные на ремне через плечо, другие ящики с патронами.

Снаряды для гаубицы были тяжёлые по 30 килограмм. Их брали в охапку и несли поштучно на руках. Взрыватели перемещали отдельно.

Некоторые на свои горбы и плечи взвали ящики с гранатами.

В разведку боем отправили штрафной батальон. Прощупали немцев, как следует, засекли их огневые точки.

Потом наши пушки били по дотам. Но, как оказалось, всё без успеха.

Значит, штрафбат пойдёт и на второй приступ. А если понадобится, то на третий и четвёртый...

Пока всех не выбьют.

Их ещё называли ШБ или «школа баянистов». На рубеже атаки, в окопе сейчас им нальют водки и объявят, что если батальон займёт три немецких траншеи, судимость с них будет снята.

«Это были дяди лет по тридцать-сорок. С холёными, жирными мордами, двойными подбородками и толстыми животами. На них были сшитые на заказ шинели, красивые фуражки притоплены касками.

Только вместо яловых сапог на них были обычные грубые солдатские ботинки с обмотками.

Это были проворовавшиеся интенданты, хозяйственники и прочая тыловая сволочь.

Десять-пятнадцать лет тюрьмы им заменили штрафбатом.

Водку на «передок» подвезли прямо в бочках. Ездовые раздали штрафникам ковши и те пили, хлебали, давились ею. При этом разбрызгивали драгоценную жидкость по своим шинелкам и прямо на снег.

Но вот, в небо взлетела красная ракета. Это сигнал к бою. К атаке. К наступлению.

Часть штрафников засуетилась, подоткнула под поясные ремни полы красноармейских шинелей и схватила в руки винтовки.

Офицер-пехотинец, лейтенант взял за ствол чью-то трёхлинейку и в углу окопа стал дубасить прикладом жирную фигуру «баяниста». При этом старался попасть ему прямо в лицо. Затем, отбросив винтовку, вытащил из кобуры свой «ТТ» на ремешке и направил ствол вдоль окопа. Смачно сплюнув сквозь зубы, заорал

– Вперёд, ублюдки! Не поняли что ли, «искупить» всем надобно! Последнего застрелю самолично, – и выстрелил в воздух.

Толпа штрафников с неохотой пошла выползать на бруствер окопа. Офицер снова схватил винтовку за ствол и прикладом, словно дубиной, стал лупасить штрафников по спинам. Те с неохотой похватили своё оружие на перевес и побежали молча вперёд. Нерешительно, со страхом, но уже вперёд к своей неизбежной кончине. К смерти.

А на земле так и остались лежать несколько тел штрафников, окоченевших насмерть от перепоя, отравления и похмельного синдрома. Рядом с ними скрючилась и парочка офицерских трупов младшего начсостава.

Ну что ж, посмотрим, попробуем ещё раз, какова цена их атакующих действий.

Кошунственно, но интересно даже: «искупят» или погибнут?..

Наконец-то зелёная ракета! Началось! Общее наступление!

Есть сигнал к атаке! Над полем послышалось: «Ур-р-а-а!». Громко, не громко ли, но этот крик должен был людей мобилизовывать.

Пехота стремительно вываливалась на открытое пространство с передовых позиций. Люди появлялись из своих щелей, окопов, ячеек, траншей. Из ложбинок. Из-за бугорков.

Им, как можно быстрее надо было преодолеть проходы, расчищенные саперами в колючей проволоке. Задача не из легких и смертельно опасная.

По ровному пространству в три-пять сотен метров надо было умудриться прорвать коридоры тройного заграждения. Эффективно забросать противника гранатами. Ворваться во вражеские траншеи и овладеть первым рубежом обороны.

Бойцы шли, бежали врассыпную по открытой местности. Связисты двигались вместе с пехотой.

Всё взлетало вверх, заволакивая снежной пылью и землёй. Ничего не было видно.

Тут и там, здесь, везде падали уже мёртвые, раненные, контуженные и живые.

Необученное пополнение металось по полю и в безысходности погибало.

Но шквал огня навстречу не утихал!

Ужасно было наблюдать, как с флангов строчили укрытые бронеколпаками вражеские пулеметы MG-34. Это вам не наш штатный «Максим». У немцев скорострельность в два раза выше. Их заградогонь был смертельным для наступающих.

Вся округа была в дыму, смраде, столбах огня и земли от минометных разрывов. Ясно, что наша артподготовка не дала должных результатов. Сразу стало понятно, что атака обречена.

И, даже, «пьяная» храбрость штрафников, здесь была не помощником.

Эх, наши минометы в таких случаях уже не уместны. Слишком сблизилась друг с другом противники.

Оставшаяся в живых часть красноармейцев, возвращалась ползком. Они укрывались за естественными преградами. Для солдата кустики, бугорки, небольшие ямки хорошее подспорье. Кротовый холмик и то спасение.

Кому удалось выбраться, скатывались в окопы первой линии.

Кто-то из бойцов от пережитого ложился навзничь.

Кого-то трясло.

Некоторые, чтобы не доглядели слабость, рыдали в предплечье.

Безбожные красноармейцы со звездами, не стесняясь, крестились в углу траншеи.

Не за грех считалось встать на коленки и освятить себя православным знаменем.

Особо чувственные от страха блевали в уголке окопа.

В глазах многих наблюдалась пустота от увиденного и пережитого.

А дрожь в руках, прострация и заикание обыденное дело.

Страшное дело смотреть на это. Смерть прошла им по касательной и пока пощадила. В живых остались вернувшиеся бойцы. Пока были живы.

Атаки пехоты, в который раз за день, были безуспешными и не приводили к выполнению задачи: занятию первого рубежа обороны противника. Раз за разом они откатывалась на исходную позицию.

Закрепиться на высоте не получалось. Силы таяли. К концу дня и вовсе обессилели. Выдохлись, проще говоря. В боевых порядках насчитывалось не более четверти личного состава. Множественные потери обескровили батальоны.

А вначале казалось, куда проще преодолеть какие-то три сотни метров.

Между взрывами, видны разбросанные по земле тела. Убитых во время самого боя никто не подбирали. Их очень и очень много. Тысячи. Раненые стонали и кричали благим матом.

Понятное дело, засветло добраться до них не было никакой возможности. Страшно и невозможно было представить себя на их месте. Поле же простреливалось насквозь и поэтому, шансов на получение помощи у них попросту не было.

Те, кто мог грести пятерней, старались выбраться из-под обстрела самостоятельно. Пока были силы. Другие так и умирали массово на поле брани от кровопотери. Беспомощные и брошенные всеми люди. Вытащить их никто и не пытался. Своя рубашка ближе к телу.

Санитаров по пальцам можно было пересчитать. Да и кто их возьмет на поле битвы. Для них это верная гибель. Иначе некому будет помочь по окончании противостояния.

Вернувшиеся люди собирали силы. Отдыхали рассредоточившись. Перезаряжали оружие. Ну, а теперь всё, готовы?

– А сейчас в бой, ребята! Живы будем до самой смерти! – пехота снова и снова выдвигалась на высоту.

Грохотание сражения переходило в ужасный сплошной рокот. Аж, перепонки не выдерживали. У некоторых из ушей сочилась кровь.

При близкой схватке с противником каждая ложбинка или бугорок были пристреляны вражескими минометчиками. В таких случаях наша боевая задача усложнялась. Опытные бойцы это знали и передвигались от укрытия к укрытию короткими перебежками. А где-то и на четвереньках. Настоящие медляки и тюлени перемещались хотя бы на локтях, по-лягушачьи. Но все стремились как можно скорее поскорее попасть в убежище.

Изо всех сил пласталась родимая пехотушка по локоть в рыхлом, податливом черноземе. Полметра, метр, еще полтора метра и носом в холодную жидкую грязь. Вместе со снегом она набиралась за воротник, за обшлага гимнастёрки, в ноздри, в уши. Люди от насады задыхались, хрипели вылупив глаза.

Всем было и так понятно, что жить захотели бы, даже в слякоти дышать смогли бы. Идеальный случай, когда можно было забраться в воронку от снаряда, что на пути оказывалась по великому счастью.

Многие бойцы не имели возможности отстреливаться. Патроны выдавались поштучно. Если боец хотел продолжить бой, надо было разоружить убитого товарища.

Кстати, я заметил, что наступающим необходимо было держаться ближе к немецким позициям. Те площади не обстреливались. Немцы из-за своей пунктуальности, чтобы не зацепить своих, всё больше стреляли в сторону нашей территории.

Заваруха была ужасной! Сил не было, как хотелось выжить в кровавой мясорубке.

Наша минометная батарея активно поддерживала стрелковую атаку. После трех десятков залпов сворачивалась и как можно скорее меняла дислокацию. Минометы быстро разбирались и на дуколках стремительно убывали на запасную позицию.

Немцы своей артиллерией безуспешно накрывали уже опустевший рубеж. У минометчиков, пока, все шло по намеченному плану боя.

В горячке жестокой лупцовки мы не сразу поняли, что противник приспособился к перемещениям минометных расчетов и к складкам местности. Короче говоря, пристрелялся.

Проблемы возникли вдруг и сразу. Посыльные уже не успевали соединять разорванные взрывами провода связи. Обрывы были настолько часты, что справиться нет возможности. Чтобы срочно восстановить сообщение, приходилось использовать экстренные варианты.

Для трех взводов из шести ротных минометов калибром 82 мм команды обычно передавались через четырёх посыльных. Но почему-то из четверых на НП появился только один.

До сих пор не было связи с командным пунктом (КП) штаба батальона. Вся надежда возлагалась на опыт и сноровку пяти лейтенантов, взводных командиров. На подмоге у них были и младшие командиры. Семь человек старшин и сержантов.

В моей минометной роте числилось 52 человека личного состава. И все были на передовых позициях. В укрытии находились лишь упряжные лошади с шестью минометными двуколками. Они были скрыты в овраге неподалеку.

Вдруг оттуда на животе с трудом приполз батяня повозочный (ездовой). Сибиряк с прокуренными усами сообщил, что из шести батарейных лошадей две были убиты осколками залетевшего шального снаряда. Был ранен и ездовой.

Не раздумывая, надо было послать старика для восстановления связи с третьей батареей. В том бою ей было жарче всего. Там фашист виделся в прямую наводку.

Если замаскированный склад с минами бывал, обнаружен, это становилось главной задачей. Подходы насквозь простреливали вражеские пулеметы. Мины разрывались сплошь и рядом. Для врага это была первоочередная цель. Для нас же это была большая проблема.

Невозможно было весь склад эвакуировать в одночасье. Приходилось ждать, чтобы улучшить момент.

Когда немцы шквал огня переносили на переднюю линию атакующей пехоты, это было то, что мы ждали. В заварушке боя надо было скоренько, как можно быстрее оттащить свои минометы и часть боеприпасов в безопасность.

Место было определено и подготовлено заранее. Это было не проблемой.

И когда этот маневр удавался, необходимо было сходу, приступить к огневой поддержке пехоты. Как можно быстрее. Нельзя было медлить ни секунды.

На кону стояли человеческие жизни.

До 200 мин и более изрыгал ствол миномета за один бой.

Рота отправляла к противнику до 1500 шестипёрок.

Весь арtpолк дивизии до 20 000 мин калибра 82 мм и 120 мм, не считая взводных 50-мм минометов. Те били всего до 800 метров. Они находились прямо в стрелковых линиях, на рубеже атаки. Бывало, что их обстреливали снайперы. А немецкие пушкари лупили по ним без колебаний. Прямой наводкой. Фрицы приноровились как можно скорее подавлять наши взводные батареи, чтобы не было поддержки пехоте.

Плохо было, когда враг накрывал минометный взвод артиллерией или начиналась минометная дуэль. Это было хана дело! Срочно надо было менять дислокацию. Искать укрытие. Прятаться за деревьями. Но даже в таких случаях огонь прекращать нельзя было.

Во 2-м взводе выпущенная в спешке своя мина взорвалась в кроне дерева. Хорошо, что из расчета никого не зацепило!

Грязные, мокрые, оглушенные, некоторые сильно контуженные, батарейцы валились с ног. У них не было никаких сил передвигаться скрытно. Перемещались на издыхании ползком в грязи. Кто на боку, а кто на спине. Отталкивались пятками и отползали в сторону. Искали укрытия. На новый рубеж минометные плиты перетасщить уже не было никаких сил.

А все наши возможности корректировал немец. Да и подняться в рост просто нереально, это верная смерть.

Наши корректировщики-наводчики наблюдали за целью и поправляли огонь с чердака соседствующего с бойней дома. Как правило, они обстреливались в каждом бою. Если живы

хорошо! А если не случалось, то позицию занимал командир миномета, младший сержант. Он по военным навыкам все мог!

Если замену не было возможности произвести вовремя, прицельный огонь переставал быть эффективным. Приходилось стрелять по визуальной наводке. В таком случае можно было зацепить своих. А заодно схлопотать и скорый на расправу военный трибунал.

Надо было выкручиваться, как получалось. Шквал вражеского огня пригибал голову. Подняться было невозможно. Но боевую задачу никто не отменял. Только торопили. Быстрее, быстрее, командир! Принимай как можно скорее единственно правильное решение! Люди верят в тебя. Ошибешься, некому будет осудить. Война все спишет. Если сам выкарабкаешься из этой кровавой мясорубки!

Через полдня боя из усиленной стрелковой дивизии со стрелковыми полками в 6 тысяч человек осталось 2 тысячи.

На другой день оставшиеся в живых бойцы и новая стрелковая дивизия повторили атаку. Успех опять отсутствовал.

На третий день в бой ввели остатки остатков и снова ввели новую стрелковую дивизию со свежими силами и вновь никакого успеха!

Весь склон устилала густая россыпь трупов. Тысячи и тысячи погибших солдат. Огромные языки пламени, клубы дыма, лес разрывов покрывали всё пространство для предполагаемой лобовой атаки.

Били наши катюши, артиллерия, миномёты, но всё без толку.

Немецкие пулемёты оставались целыми в своих железобетонных дзотах и по-прежнему косили наступающих.

Жертвы жертвами, начальство же всё это месилово видело.

Но, гады и сволочи, вылезшие в наши командиры так и не давали приказ на тактическое отступление и обход этой долбаной высоты с флангов.

Мокрушники наши полковники, так и гробили людей ни за что, ни про что. Без шансов отправляли их на пулемёты и неминуемую смерть.

И так, в разных вариантах, раз за разом. Казалось, бои идут на измор и будут продолжаться бесконечно.

Кровь леденела в жилах, когда смотрел смерти в глаза, а погибель подстерегала на каждом шагу.

Мороз по коже, страшно как было закапывать в мерзлую землю кровавое месиво с оторванными ногами. Чудовищная поклажа, собранная кусками, на заиндевелой плащ-палатке в общей куче.

Или фрагменты тела, замерзавшие прямо на снегу. Витающий парок над кучкой и это всё, что осталось от бойца, жизнерадостного балагура-весельчака, друга из Ижевска.

На шинели растерзанное с растекшимся животом тело.

Вот еще одно, прямо в месиве из грязи.

А здесь была бесформенная масса, перекинутая через шомпол от орудия, так легче было тащить.

В шапке-ушанке со звездой кровавая лепешка с чем-то там собранным внутри.

Вот лежали рукавицы знакомого стрелка с оторванным пальцем и торчащими изнутри культями.

Дальше было что-то еще кровавое, которое уже нет ни какой возможности опознать.

Артиллерийский ящик, а изнутри торчали руки, ноги, бесформенные тела.

В воронке лежал труп солдата, живот его был распорот и раскрыт, словно сундук с откинутой крышкой. Все внутренности, как на анатомической картинке: кишечник, печень, желудок.

Рядом воняющий труп обгоревшего танкиста.

Подалее, еще кости...

Еще... Еще... Ещё...

Страшная это и безумная была бойня. Мы и не заметили, как заматерели на войне. Смерть воспринимали в качестве составляющей боя. Обвыкли.

Но, до чего же низка и подла человеческая натура. Перед началом атаки мы побросали свои вещички в утепленную землянку полковых разведчиков. А когда вернулись, на месте нашли лишь подменную рвань. Какая-то сволочь успела подменить и украсть весь наш нехитрый солдатский скарб. Негодяи.

Смерть смотрит в глаза, а всё равно надо украсть у ближнего!

Образно говоря, остались мы без тёплых полушубков, резервной обуви, бесценного солдатского барахла в вещмешках. Хорошо, что ещё разведчики, хозяева теплушки не подошли. Ворюги ведь не знали, что тырят у сыскарей. Они-то точно разыщут.

Могут и головушки открутить мазурикам. Причём без всяких на это разрешений и согласований.

Отдых, кормежка и сон для взводного были, конечно, в последнюю очередь.

Ночью обессиленные бойцы спали богатырским сном в забытьи. А у меня была своя святая обязанность. При свете коптилки надо было заполнять похоронки. Затем разбудить ротного и подписать им. Поутру отправить посыльным в штаб. Полевая почта обязана была доставить по назначению.

В ответ надо было ждать, а то и требовать очередного пополнения.

А сейчас надо было писать сухо и просто: дата, фамилия, место захоронения, адрес, лаконичная запись: «Погиб смертью храбрых...» Безусловная уставная обязанность командира: уведомлять домочадцев о судьбе их родственника, а свое непосредственное начальство о боевых потерях, убытии, так сказать, в связи со смертью.

Поторопиться надобно было. Никто за меня эту работу не сделает. А потом и списки личного состава могут затеряться, ежели со мною что приключится.

При мерцающем свете коптящего фитиля из сплюсненной сверху снарядной гильзы был виден грубо сколоченный стол из досок от ящиков для минометных зарядов. На нём рядом лежали солдатские жетоны.

Кто-то не брал их в бой по суеверию. У кого-то искромсало вместе с телом. Многих не могли опознать. По адресам пропавших без вести солдат и не опознанным похоронка не отправляли. Туда отсылалось извещение, а в нём короткая запись, что пропал без вести.

В таком случае до самой смерти будет ждать родная мать своего сыночка из боя. А вдруг вернется. Автобус вот из района придет. И вдруг он, кровинушка родная объявится. Сыночек.

Тут как тут вырастет, словно из-под земли. Зайдет во двор, поправит ремень, смахнет пыль с гимнастерки, расправит свои широкие плечи и широко улыбнется. Скажет громко

– Собирай-ка, друзей, соседей маманя. Накрывай на стол. Я вернулся! – однако, никто так и не сможет нарушить тишину крестьянского двора. Оставшуюся жизнь мать так и будет тешить себя иллюзиями, рассказывать соседкам, – слышь, а в рядошном селе через год вернулся солдатик. Говорят, в беспамятстве был. Вот и мой сыночек, наверное, тоже?

Может быть, так легче жить материнскому сердцу. С надеждой на всю оставшуюся жизнь. До самой своей смерти.

Очень жаль, но немногим кому удалось вертаться до своей мамочки.

Не судьба...

Бой окончен, наступал новый рассвет. Успеть бы, заполнить. И сколько ещё будет этих треугольников впереди. Надо, надо писать поскорее, пока сам живой. А поутру придется готовить свой взвод к выполнению боевой задачи. Ни слез, ни рыданий по убиенным, ни истерик.

Неожиданно в ночном сумраке появлялись люди. Мимо проходила колонна из нового пополнения. Следом маршировала другая. Еще одна.

– Мама моя, – подумалось, – молоденькие-то какие!

А назавтра был снова страшный бой. Кто тогда из них, молоденьких выжил, одному богу было известно...

...Усталые, мокрые мы развели костёр. Я снял валенки и стал сушить портянки у огня. Костёр окружили новобранцы. Они всё расспрашивали, каково на фронте и всех ли убивают. Их сразу можно было отличить по излишней суетливости.

Бывалые же вояки всегда использовали свободную минуту для отдыха. Усевшись основательно, ставили меж колен автомат, расслаблялись и отдыхали всеми клетками своего тела. Но, в то же время, они могли собраться за доли секунды, оценить обстановку и вступить в бой.

Человек с медленной реакцией редко выживал на войне. А на «передке» это было вообще невозможно.

На фронте приобретались совершенно новые защитные реакции на уровне инстинктов. Я, никогда не обладавший хорошим обонянием, при устройстве позиции для корректировщика на переднем крае, словно зверь мог чувствовать запах немецкого табака за семьдесят-сто метров.

Уже в сумерках приходилось перемещаться по новым, заранее подготовленным запасным координатам. Грузили весь батарейный скарб на двуколки и с трудом волочили ноги.

В горле от чада и смрада першило. Приходилось сплёвывать противную оскомину. Выхаркивать из легких всю пороховую гарь.

Мать-перемать, но почему-то запаздывал ездовой.

А поблизости подполковник, начштаба полка из свежего пополнения безуспешно пытался попасть начищенным до блеска сапогом в стремяна своей лошади. Парочка автоматчиков из охраны с четырёх рук усаживала в седло растолстевшего на тыловых харчах офицера. Пьяный вдрызг подполковник что-то мычал и вдруг завалился на шею лошади, обхватив её руками.

Автоматчики понуро повели её под уздцы к месту дислокации своего штаба.

Зимой 1943 немцы ушли уз «котла». Вытекли на заранее подготовленные позиции. Но результат есть результат. Поэтому в штабе хвастались, что в целом, операция была успешной.

Было убито 6500 солдат и офицеров Вермахта, взято в плен более 2000 человек.

Противостояли нам тогда опытные вояки. В том числе и отборные части моторизованной дивизии СС «Мертвая голова» и добровольческий корпус «Данмарк».

Чудовищной жестокости были оккупанты. Бились они насмерть. Под завершение сражения обмороженных, раненных, но живых из немецкой обороны вырвалось лишь всего 600 эсэсовцев. Они были последними, потому что прикрывали отход основных частей.

Элитная гитлеровская дивизия перестала существовать.

Но всё это только потому, что немецкий командир гарнизона ненавидел национал-социалистов и, спасая простых солдат, на все смертельные участки посылал погибать эсэсовцев. По этому поводу у них частенько случались драки.

Поговаривали, что сам Гитлер, по результатам противостояния, был в бешенстве.

Но и в 21 веке на крестьянских огородах в земле будут лежать не захороненными по взводу безымянных солдат. А по отчетам краеведов останутся не упокоенными до одного миллиона воинов РККА!

В наших же боях, победа на участке фронта у Рамушево по ликвидации вражеского коридора из Демянского котла, «горлышко из кувшина» досталась ценой огромных потерь.

Красная Армия на этом участке фронта за неполных полтора месяца безвозвратно потеряла около 50 000 человек. А к концу мая было убито 88 908 красноармейцев (официально), санитарных 456 603 человека.

И это притом, что к началу операции численность группировки составляла всего 105 700 человек!

А за 1,5 года убитыми и ранеными мы потеряли здесь почти полмиллиона человек.

Практически каждое вновь подошедшее пополнение складывало свои головы у Старой Руссы под Демянском!

Вспоминая о тех боях, откровенно скажу вам, что такое лобовая атака на подготовленные укрепления немцев. Тогда все осознавали, что это были бои на истребление солдат Красной Армии. Тем более, что у нас спасу никакого не было и шансов никаких уцелеть.

Обречённость, вот главный постулат тех боёв. Без всяких на то вариантов, обречённость.

...И снова прилетело! Здесь, в этих кровопролитных боях я и был тяжело ранен 3 марта 1943 года. Эвакогоспиталь №1990.

Придя в сознание, ощупывал себя и начинал понимать, что в этот раз повезло...

Давайте вместе вспомним арифметику. Не трудно посчитать, что в стрелковой дивизии 3 пехотных полков. Численность каждого в среднем тысяча человек. Значит, за 2,5 месяца под Рамушевым было истреблено 89 стрелковых полков, а это, как ни крути, численность бойцов 15-ти стрелковых дивизий.

Длина Рамушеского коридора была около 40 километров (40 000 метров). Это означает, что на протяжении всей линии фронта, каждые 2 метра лежал убитый и 10 раненных красноармейцев! Официально, на каждые 2 метра!!!

А реально, их было раз в 5 больше, если не в разы! И прорыв производился на участке фронта не шире 5-ти километров.

А это уже означает, что только официальные цифры надо увеличить в 8 раз!

Без учёта рельефа местности, болот, оврагов, ручьёв, перелесков, оврагов по всему получается, что на каждые 2 метра фронта атаки Рамушевского коридора было 16 убитых и 80 человек раненных красноармейцев!

Невыносимо страшно...

Из рассказов моего отца.

166 стрелковая дивизия, 517 стрелковый полк, 2 миномётная рота.

Командир 3 миномётного взвода, лейтенант Иван Петрович Щербаков (1923 г.р.)

2. Исходная точка. Пенза

Июнь-декабрь 1941 года.

...В июне 1941 года военным комиссариатом я был направлен в Пензенское артиллерийское училище. Было мне тогда всего 17 лет. Видимо, чтобы дотянуть до совершеннолетия перед отправкой на фронт, меня решили подучить. Я особо не сопротивлялся. В октябре мне должно было исполниться 18 лет. А уже в декабре 1941 года мне обещали присвоить звание лейтенанта! Кто бы возражал против такой головокружительной военной карьеры. Только я, несмышлёныш, ещё тогда, совершенно не представлял реальность и жертвенность той войны уже вступившей в свои права. У меня, по крайней мере, здесь и сейчас всё складывалось очень даже хорошо!

Город Пенза был столицей области и по переписи 1939 года насчитывал 160 тысяч жителей. Располагался он на пологих холмах между Саратовской и Ульяновскими областями. Главная улица – Московская, постепенно поднималась в гору до центральной площади, где ещё раньше стоял красивый православный собор. Но большевики нехристи снесли его до основания

Здесь же, поблизости располагался Пензенский базар.

Лермонтовский большой и зелёный сквер, ЦПКО (Центральный парк культуры и отдыха) располагались у основания собора. Парк своим парадным фасадом выходил на три большие улицы, а его четвёртая сторона полукругом охватывала центральную площадь. На площади обычно проходили Первомайские и Ноябрьские демонстрации. Здесь праздничные колонны школьников и горожан приветствовали советские «отцы» старинного, а сейчас и революционного поселения.

Город омывали две реки: Пенза и Сура. Весной они разливались и сносили все пешеходные деревянные мостики. Разливы продолжались 1—2 недели. В это время переправиться с правого на левый берег можно было только на лодке.

В Пензе был крупный Трубный завод. А в первую пятилетку построили и Велосипедный. Слава пензенских велосипедов разнеслась по всей стране. Но были они достаточно дорогие. У многих советских людей тогда была мечта купить велосипед из Пензы. Однако, денег на покупку заветной «мечты» хоть совсем чуть-чуть, но всё равно не хватало. Не доступной была социалистическая роскошь.

Ещё здесь была мебельная фабрика, изготавливавшая «вечные» венские стулья, которые в обычной практике служили веками.

На окраинах чадил угольными печами для обжига два кирпичных заводика.

В Большом драмтеатре давали оперетту.

В цирк шапито частенько приезжал знаменитый Иван Поддубный.

А в бывшем здании Богоявленской церкви разместился коммунистический ДК (Дом культуры) Дзержинского для железнодорожников.

Для культурного развлечения рабочих велосипедного завода имени Фрунзе (ЗиФ) в 1934 году открыли ДК имени Кирова. А назывался он так потому, что накануне открытия заведения пристрелили вождя Ленинградского пролетариата Кирова. Большевики в честь его памяти и назвали дворец.

В городе было больше шести школ и детский приют. Новым учебным заведением была Пензенская опытная сельскохозяйственная станция – ПОС.

История Пензы познала и лихолетье.

В Гражданскую войну, пленённые было белочехи возвращались из Сибири к себе на родину. Как раз через Пензу. Военный трибунал предложил им разоружиться, а те почему-то отказались. Тогда красные вынуждены были их не пропускать и стали применять силу.

В результате на улицах города вспыхнули нешуточные бои не на жизнь, а на смерть. Пролитая красная кровь революционеров.

17 декабря 1918 года в Пензе были открыты пулемётные курсы РККА. Располагались они в здании 1-й женской гимназии, в здании Крестьянского банка и в Губернаторском доме. В дальнейшем название курсов часто менялось.

Но 1 сентября 1936 года была организована кавалерийская школа, которая была преобразована в дальнейшем в училище.

На её базе 20 ноября 1937 года было организовано Пензенское артиллерийское училище для подготовки командиров противотанковой артобороны на механической тяге.

Именно в это Пензенское артучилище я и прибыл для последующего прохождения обучения.

С началом войны учебный процесс был максимально приближен к боевой обстановке. Мы кропотливо, до каждого винтика и самой маломальской пружинки осваивали материальную часть артиллерийского оружия. Усердно корпели над теорией артиллерийской и миномётной стрельбы.

Непреложного внимания требовала и подготовка в службе миномётных расчётов. Учились работать по топографическим картам. Изучали оптические приборы, бинокли, теодолиты.

Отдельная песня, это стрельба по мишеням и огневая подготовка. Здесь уже всё происходило с повышенным вниманием, а я бы сказал, даже, с азартом. Мы же в душе своей всё ещё оставались 17-ти летними пацанами.

Я неоднократно задавал вопрос преподавателям

– Что надо будет делать с определением целей противника в сумерках или, когда плохая погода, при плохой видимости?

У нас не было даже контуров немецких танков, автомобилей, тягачей. Возникал резонный вопрос, что по ошибке можно было «шарахнуть» и по своим.

Уже вовсю шла война, а подобного рода информация всё ещё была засекреченной. Однако, преподаватели офицеры отговаривались и не объясняли причин отсутствия шаблонов

– Нет в наличии. В скорости, возможно, будут. На передовой сами раскумекайте, где враг и как он выглядит, – отвечали.

Мы старательно изучали инженерное дело. Особое внимание уделяли тактике ведения боя в самых разных его вариациях и устраивали практические многодневные походы с полной боевой выкладкой.

Здесь же обучались курсанты 2-го Пензенского артучилища дивизионной артиллерии на конной тяге.

В то время самое сложное для меня в военной жизни было привыкнуть к дисциплине. Здесь уже не надо было выпячивать своё мнение, спорить и возмущаться по пустякам. Надо было просто слушать приказы и беспрекословно, чётко их выполнять.

Но, постепенно я привык, и служба была уже не в тягость.

У нас в казарме царила атмосфера взаимовыручки и понимания друг к другу. Мы все осознавали, что скоро на передовую и собачиться друг с другом было бы совсем негоже. Абсолютно все мои сослуживцы-курсанты это понимали.

Мой тёзка, старшина Иван Галкин был строгим, требовательным и вреднючим начальником. Замучил просто своими придирками.

Но и к ним мы постепенно привыкли. А через месяц уже и незачем было цепляться. Всё у нас стало получаться сноровисто.

Мы же были молодыми, и нам очень хотелось стать «правильными» командирами.

Курсанты научились, как правильно наматывать портянки, как подшивать подворотничок, как разжигать в лесу костёр сырыми дровами, крутить «солнце» на турнике и многое другое. Во время военной подготовки мне очень нравились строевые занятия. Здесь мы пели песни двигаясь прямо на марше. А когда шли по пензенским улицам, зеваки, открыв рты, любовались на нас.

Нам было радостно! И мы были горды тем, что так красиво и слаженно у нас всё получается. Молодость брала своё.

В конце концов, я понял, как надо быстро «уяснить задачу, оценить обстановку, принять решение, организовать взаимодействие» и другие военные премудрости.

Вечером к нам приходил старшина. Он был опытным воякой. Прошёл Финскую войну, попадал в различные «заварушки». Он учил нас, желторотиков, ненормативной солдатской лексике, этике, ядрёному русскому мату.

Мы-то считали, что в жизни есть мать-перемать, разные нехорошие слова о женских и мужских детородных органах.

А в бою, оказывается, не всё так просто. Особенно у минометчиков на «передке», да ещё в ближнем скоротечном бою. Доли секунды могли спасти жизнь человека.

Под портретами Ленина и Сталина, выше которых ещё висели Фридрих Энгельс и Карл Маркс наш всезнающий старшина умничал

– Товарищи курсанты, а вы знаете, что на отдачу приказа у нашего врага немца средняя длина слова составляет 5,2 символа, а у нас 10,8. Следовательно, на отдачу приказов у фашистов уходит на 56% меньше времени.

В скоротечном бою, это ой, как много. Но...

Если изъясняться матом, то и длина слова в русском языке сокращается до 3,2 символов в слове, – мы удивлённо пооткрывали свои рты.

О науке, обоснованной на мате мы ещё не слышали.

– Краткость, зашифрованность команды матом становится совершенно не понятной подслушивающему противнику. А в коротком, скоротечном бою, на близких дистанциях это будет иметь решающее значение, – продолжал старшина.

– Курсант Лапников, доложи-ка нам, как ты отдашь приказ о заброске мин на позицию пулемётчика противника справа от тебя?

Жорка Лапников, немного задумался и, скороговоркой, протараторил

– Сорок седьмой, немедленно приказываю уничтожить вражескую огневую точку пулемётчика, ведущего огонь по нашим позициям с расстояния девятьсот пятьдесят метров! Огонь ведётся справа. Ориентир черёмуха. Десять метров левее от неё.

Мы замерли. Жорка расплылся в улыбке. Так сноровисто, чисто да гладко у него получилось.

– А теперь слушай сюда, курсант. Смотрите все и учитесь, как правильно надо отдавать команды.

Старшина набрал в грудь побольше воздуха и на едином дыхании членораздельно и, громче некуда, выпалил

– Сорок седьмой, ёбни того х...я справа!

В казарме повисла гнетущая тишина. Мы все вопросительно, удивленно и восхитительно глядели на старшину.

– Всё братцы. Всё я сказал. Кина больше не будет. Все должны понять короткую команду и научиться правильно использовать её. Иначе, не выжить на войне.

Немного подумав, он добавил

– Финнам мы покажем жопу, раком повернём Европу, а потом до смерти зае... ём!

Старшина встал, одёрнул свою гимнастёрку и, молча, вышел за дверь.

Нам ничего не оставалось, как дружно выдохнуть. Все засуетились и стали готовиться ко сну. В казарме повисла гнетущая тишина...

Балагурить и веселиться расхотелось.

Очень много внимания уделялось физической подготовке. Лыжи, кроссы, стрельба, многодневные переходы по лесам стали для нас обыденностью.

На марше команда «ложись» давалась чаще всего перед грязью или лужей. Так специально хотел наш требовательный старшина. Но мы понимали, что на войне может быть гораздо хуже. Никаких обид не было.

Всегда было много различных дежурств, нарядов, личной подготовки, контроля и проверки состояния личного оружия. Свободного времени не было вообще.

И мы отродясь не слышали ни о какой «дедовщине».

Грубости, оскорблений курсантов со стороны командиров у нас тоже не было. Случаев пьянства за курсантами не наблюдалось, не до баловства было.

Ускоренное обучение, сами понимаете, предполагало сверхплотный режим обучения и сверхжесткий распорядок дня. Поэтому побудка, подъем были в 5 часов утра, а всё заканчивалось лишь в 12 часов ночи.

После отбоя все валились с ног и засыпали, как «убитые». Но никто не роптал. Никто и никогда. Абсолютно все понимали, что это всего лишь подготовка к великому испытанию на фронте. Но каково там у каждого из нас сложится, одному всевышнему было известно.

В отличие от «гражданки» в моей жизни появились порядок, дисциплина и уверенность в завтрашнем дне.

Жизнь текла по заведённому распорядку, и думалось, что так будет всегда. Конечно, мечтать о таком было наивно, но мы этому совершенно искренне верили.

Особой радости, что скоро эта «учебка» закончится и скоро на фронт мы не испытывали. На душе периодически возникало чувство тревоги. Но не было уныния и безысходности.

Совершенно не было слышно стенаний по поводу нежелания служить в действующей армии.

Мы постепенно выросли, матерели и становились настоящими мужчинами.

Все знали, что предстоит идти на фронт и за что, за кого предстоит воевать. Мы были уверены, что враг будет разбит, а победа будет за нами. Колебаний или сомнений по этому поводу не было.

Вполне возможно, что и ребята не подавали виду о терзающих душу вопросах?

Так уж устроен человек, что в любом случае, хотелось верить в лучшее.

Хотел бы высказать особую благодарность нашему главнокомандующему Иосифу Виссарионовичу Сталину и своей Отчизне. Меня, 17-ти летнего мальчишку они не бросили затыкать своим телом прорванные немцами участки обороны под Москвой. А терпеливо выучили в одном из лучших артучилищ страны. И потом, отправили на второе формирование 166-й стрелковой дивизии в учебные лагеря под Чебаркулем.

Шансов не оставили мне опытные командиры, чтобы хандрить и не верить в Великую Победу. Думаю, что именно благодаря этому я и остался в живых.

Не смотря ни на что, выжил и дошёл до долгожданной Победы.

За что и говорю им: «Большое спасибо»...

Из рассказов моего отца.

3. Шаг в пропасть

В декабре 1941 года я с отличием закончил Пензенское артиллерийское училище с присвоением звания «лейтенант» и убыл в распоряжение Уральского военного округа в город Чебаркуль. Здесь как раз происходило второе формирование 166-й стрелковой дивизии.

Напомню читателю, что 166-я стрелковая дивизия 1-го формирования под командованием полковника Алексея Назаровича Холзинева (1899—1941) была происхождением из Томска.

В 1941 году сибиряки спасли Россию под Смоленском и Вязьмой при этом почти все погибли, утратив дивизионные штандарты.

Из 14 тысяч человек дивизии к 15 декабря 1941 года из Вяземского котла вышли из окружения всего 517 солдат и командиров, собранных со всех окружённых частей других воинских формирований.

Красноармейцев из 166 дивизии было не более 200 человек.

Тогда, 166-я стрелковая дивизия по штабным документам прекратила своё существование.

Но 22 ноября 1941 года в городе Чебаркуль Челябинской области на базе 437-й стрелковой дивизии Уральского военного округа началось новое, уже второе её формирование.

Командовал организацией дивизии генерал-майор Фёдор Михайлович Щекотский, а комиссарами были Н. С. Лесь и М. Е. Самарин, начальником штаба полковник А. И. Попов.

Я был направлен в ряды уже новой, вновь формировавшейся дивизии. Меня назначили заместителем командира миномётной батареи 517-го стрелкового полка.

Командиром полка был подполковник Д. Я. Прошин.

С 16-го февраля по 15-е апреля 1942 года 166-я стрелковая дивизия по железной дороге через Москву и станцию Бологое была переброшена в Ярославскую область, на станцию Любим.

Её позиция была закреплена за Ставкой ВГК.

Затем, в срочном порядке все части дивизии перебросили в район города Осташков и Чёрный Дор.

Именно там 166-я стрелковая дивизия вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта под началом генерал-лейтенанта Е. П. Журавлёва.

На тот момент было мне 18 лет.

...При выгрузке из эшелонов дивизия подверглась сильнейшей бомбардировке с воздуха. Особо пострадали 735-й и наш, 517-й полк. Немцы засекли продвижение частей дивизии и, в дальнейшем, беспрестанно мучили бомбоштурмовыми ударами их «певуны», «Юнкерсы».

Наша стрелковая дивизия в 14 тысяч человек личного состава со своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами двинулась в сторону фронта.

Казалось, что лес и окружающее вязкое пространство пришли в движение. В округе всё шевелилось, двигалось, роптало, гудело, шелестело. Воздух стал плотным от неожиданного рокота, тяжёлым и мутным в своём восприятии.

Дивизия практически не делала остановок на своём пути. У некоторых машин вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, но их никто не ждал. Починятся и сами догонят. Правда, если повезёт разыскать своих.

Тяжёлые пушки тащили тракторами ЧТЗ (Челябинский тракторный завод), которые ещё вчера были задействованы в сельском хозяйстве, а сегодня исправно служили фронту. Но у этих гражданских тракторов часто рвались гусеницы, из строя выходила ходовая часть. Те, у которых заклинило двигатель бросали прямо на обочине дороги. Мудохаться с ними было

некогда, потому что средняя скорость их движения итак была не велика, где-то 4 километра в час.

Привалы, остановки были очень короткими. Люди едва успевали оправиться, глотнуть водички, стряхнуть налипшую грязь с ног, как уже звучала команда

– Строиться!

И снова вперёд к намеченной цели.

Лица, одежда солдат, стальные каски, стволы орудий, крупы лошадей, двуколки, подводы, закрытые чехлами пулемёты «максим», наши миномёты, машины, противотанковые ружья, ящики с боеприпасами-всё было покрыто влажной каплей.

Влага была везде. В ноздрах, ушах и даже приходилось вместо слез воду с бровей стряхивать.

От разгорячённых спин шёл пар, а отсыревшие в карманах спички не загорались.

Вся территория, по которой мы двигались, была покрыта в основном лесами и болотами. Она была абсолютно недоступна для транспорта и тем самым непригодна для ведения боевых действий. Состояние дорог лишь в незначительной степени отвечало военным требованиям и то лишь на ближайших подступах к крупным населённым пунктам, да на возвышенностях.

Кроме того, даже если попадалась железнодорожная линия, то это совсем не означало, что параллельно ей будет проходить и автодорога.

Из-за болот, постоянно встречавшимися на пути, обходными манёврами двигаться было невозможно.

Поэтому далее по грунтовым, просёлочным, полевым дорогам, лесам, болотам и между озёр дивизия пробивалась к месту сосредоточения расположенного в Новгородской области южнее Демянска. Именно пробивалась. Да ещё и героически.

Стадные инстинкты массового движения захватывали всех. Ездовых, водителей, артиллеристов, штабных работников, санитарные повозки, полевые кухни и даже штрафников охватил азарт скоротечности и стремительности продвижения.

Все торопились. На убой?

...Однажды самолёты выскочили из-за верхушек деревьев совершенно неожиданно. Противный вой бомбардировщиков разрывал барабанные перепонки. Ужасной силы взрывы грохотали повсюду. Возникало ощущение, что каждая первая бомба попадёт именно в тебя и разорвёт на кусочки.

Я успел прыгнуть в неглубокую ложбинку, когда раздался оглушающий грохот. Над головой ярким пламенем брызнула вспышка адского всполоха. От детонации дыбом встала земная твердь, всё пространство вокруг меня сотрясало от обезумевшего воздуха.

Грохот в ушах был плотным, как сама земля. Взрыв был ужасающей силы.

Наступила кромешная темнота.

Но солдаты откопали меня быстро. Очень сильно болела голова, и тошнило до блевотины. Не имея сил подняться, я сидел на сыром пенёчке, мотал гудящей головой, а Петруха пермский, балагур и весельчак из 1-го взвода всё приговаривал

– Не ссы, полководец! Я сказал же, что жить точно будешь! Вот отрыгаешься и веселее на душе станет. Ты сунь, сунь два пальца в глотку. Я после браги, да перепою в деревне всегда так делал.

У меня никак не получалось стоять на ногах. «Болтало» из стороны в сторону. Но я был молодым, сильным и в медсанбат не пошёл. Просто совесть не позволяла «выпендриваться», когда страдали и другие такие же люди, раненные солдаты.

По всей округе, кругом валялись брошенные и разбитые телеги, двуколки. Кое-где горели машины. Ветра не было, поэтому вонь от чадающей резины стояла невыносимая. У одного гаубичного орудия разворотило станину и её никак не удавалось закрепить к тяге трактора. Получалось, что она перегородила дорогу. Наконец-то общими усилиями роты, под друж-

ные возгласы «раз-два взяли» её выволокли на обочину. На скукоженной траве, где-то с краю от середины колонны валялось много убитых красноармейцев. Они лежали, как скошенная трава. На глазах бредущих людей, по приказу начальника хозчасти бывалые ребята с трупов стали снимать обмотки, тяжёлые кованые ботинки, защитные рубахи. Шинельки да шапки складывались отдельной горой. Штрафники не комплексовали и особо не сентиментальничали, церемониться было не с руки, приказ выполняли. Даже обильно залитая кровью одежда сдиралась с тел. Получалось, что мертвецы раздевались донага. Всё равно их удел был решён, поблизости уже зияла раскуроченным зевом большая братская могила. А полковые прачки по любому окровавленную одежду отстирают на постое. Сами понимаете, что служила она два, а то и три круга использования.

Возле кустов боярышника распластался убитый майор. На широко раскинутых ногах у него блестели яловые сапоги, а галифе были непривычно синего цвета. Фуражка с голубым верхом утонула в луже. Неподалёку лежала его тяжелораненая лошадь рыже-чёрной масти с оторванной ногой. Штрафники быстро сняли с неё подпругу, старенькое седло с выкрашенным опять же в синий цвет ленчиком. Один из них схватил за гриву хрипящую кобылу, другой полоснул ножом. По цепочке передали команду, чтобы подтянулись служивые из полевой кухни. Это была их добыча. Не пропадать же добру. Некоторые солдаты от увиденной трагедии плакали, на ходу утирая слёзы рукавами шинелок.

В санбате случилась своя трагедия. Взрывной волной швырнуло о ствол вековой сосны молоденькую сестричку. Валюшу-одуванчика. Её смуглое молодое лицо не потеряло своей красоты и впрямь смерти. Под красивыми, выгнутыми дугой бровями поблёскивали ещё живые полужакрытые глаза. Губы были пухлые и сочные, но их красоту оценить было уже невозможно, потому как из горла пузырями вываливались сгустки крови. Было понятно, что от удара ей переломило позвоночник. Жемчужины зубов ещё были видны в суспензии, а слипшиеся пряди волос прикрывали враз побледневшую, припухлую щёку. Страшно было видеть, что и на эту недавно ещё живую и, казалось бы, вечную красоту, смерть уже наложила свой отпечаток. До слёз было жаль красивую дивчину.

Отбомбившись, вражеские самолёты улетели. Нескончаемые колонны красноармейцев пошли дальше, а я стал догонять своих.

Меня всё равно немного «качало», но постепенно я «разошёлся».

Продвигались мы очень медленно, и у меня сложилось понимание того, что мы совершенно не имеем представление о силах противника. Где-то там у них была крепкая оборона. Там. Достаточно скудно и всё.

Но мы всё шли и шли в том направлении, где должен был находиться наш враг. Беспощадный, бескомпромиссный и кровожадный.

Прилегающие к шоссе дороги были забиты людьми, лошадьми, техникой. Всё было подчинено одной цели, как можно скорее достичь намеченного рубежа.

Создавалось впечатление, что это ползёт громадное живое существо, и метр за метром подминает под себя расквашенную дорогу, ругается, матерится, горлопанит и ёрничает над неумехами, разбрызгивает жирный и жидкий, как взвесь чернозём по всей округе.

От лошадей, закипевших моторов, с мокрых спин красноармейцев, из носоглоток людей идущих к своему краю стелился густой пар. Там, где лес обжимал дорогу вплотную и не было ветра столб марева не позволял разглядеть колонну впереди идущих далее двух повозок.

Тем временем с неба стал падать противный сырой снег с дождём. Дорожная грязь, перемолотая тысячами сапог, сотнями колёс и гусениц, противно чавкала. Колонны двигались крайне медленно.

Паршивая погода в здешних местах была не редкостью. Она случалась в январе, феврале и марте. Большинство дней бывали облачными. Осадки были регулярными в виде снега

и дождя. Жесточайшие морозы до минус тридцати сменялись оттепелями с устойчивыми туманами.

А с неба всё сеял и сеял мелкий холодный то ли снег, то ли лёд с дождём. Видимо, сюда доставали ветры с Балтики. Сырая промозглая бездонность неба опрокидывала на наши головы ушаты генерированной воды. Промозглая мгла оседала и на дорогу, на траву, на деревья. В воздухе пахло не просто влагой, казалось, что мы даже дышим водой.

В таких случаях обмундирование набухало в два счёта. Шинель стала тяжелой и торчала колом, будучи насквозь пропитана влагой. Сырость проникала и за ворот шинели.

А сам вещмешок, наш штатный сидор утяжелялся в разы.

Ноги увязали в грязи и люди вытаскивали их с совершеннейшим трудом. Колёса телег временами утопали по самую ось во взвешенную мерзкую грязь.

Видимость была ограниченной.

Хуже такой мерзопакостной погоды, пожалуй, никогда и не было.

А у меня по-прежнему страшно ныла контуженая голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.